

Владимир Левкин

В ожидании ЖИЗНИ

Владимир Левкин
В ожидании жизни

«Издательские решения»

Левкин В.

В ожидании жизни / В. Левкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936755-6

Родился в г. Свердловске. Русский. Вырос в центре города, возле Дома офицеров. В самой обычной семье. Отец и мать работали на железной дороге. Основная специальность — фотограф. Не воевал, не сидел, политикой интересуюсь слабо, пишу для простых людей. С детства имею интерес к литературе и к жизни. Все, что написал, опубликую. Любимые авторы — Э. М. Ремарк, Д. Лондон, Д. Даррелл, В. Высоцкий, Борис Ручьёв. Сюжеты стараюсь брать из жизни. Номинирован на конкурс «Писатель года».

ISBN 978-5-44-936755-6

© Левкин В.

© Издательские решения

Содержание

ПОЧЕМУ Я НЕ ЕМ НАЛИМОВ	6
ВЕТЕР-ВЕТЕРОК	7
ЖАБЫ	9
ДЯДЯ ВАСЯ-СЛЕСАРЬ ГИНЕКОЛОГ	10
ГУДБАЙ АМЕРИКА	11
ФОТОГРАФ «ФОТОГРАФ» (ХРОНИКИ 80-ГО ГОДА.)	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

В ожидании жизни

Владимир Левкин

© Владимир Левкин, 2018

ISBN 978-5-4493-6755-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОЧЕМУ Я НЕ ЕМ НАЛИМОВ

13.06.18

Ку-ку, да ку-ку, – звучало надоедливо из ближайшего леса на берегу деревенского пруда. Лес поднимаясь на взгорке, стоял мохнатой стеной, казалось ему, не было конца и краю. Пруд образовывала речка под названием Кордяга, она текла в глубоком овраге, который изготовило неумолимое время и конечно вода. Кое- где на крутых овражистых откосах была видна рыжая глина, которая составляла большой процент вятской земли. Пруд был запружен в незапамятные времена, наверно ещё первыми жителями этих краёв, место, кстати, было выбрано очень удачно, прямо на большом повороте реки. Здесь стояла когда-то большая мельница, сейчас она была разрушена временем и неразумными людьми, конечно муку сейчас мелют электричеством, кому нужны эти пережитки в виде жерновов и колёс. Но, сруб, заделанный ещё до революции, почти сохранился, правда, без крыши, из него сруба примерно 12 на 12 торчали колёса водяного привода и прочая деревянная механика, застывшая неизвестно когда. От этих развалин несло нестерпимой тоской и печалью, но рыба под названием Сорога, ловилась здесь хорошо, часто приходил сюда рыбачить, ведь добывать этот сорт рыбы, да ещё в прозрачной воде, весьма сложно. Я зачастую приходил с вечера порыбачу до темноты, потом закутаюсь в брезентовый тёткин плащ, покемарю до рассвета и снова ловлю, если клюёт эта капризная рыба. Сразу за развалинами мельницы был глубокий омут метров двадцать в диаметре из него, и вытекала наша Кордяга, холодная и голубая как небо этим жарким летом.

Я порыбачил до темноты, поймал пять штук этой Сороги, бросил в ведёрко, глянул на малиновый закат, который предвещал хорошую погоду и наверно неплохой клёв, стал готовиться ко сну, то есть натаскал каких-то старых досок и соломы под голову.

На реку и прибрежные луговины опускалась густая темнота, только какие-то птички ещё что-то пели своими нежными голосками. Ночь по-хозяйски вступала в свои права, недалеко на лугу вдоль речки паслись несколько лошадей, их неясные тени двигались совсем бесшумно, иногда они смешно прыгали на своих стреноженных ногах, иногда вздыхали чисто по-человечески, вечер стоял очень тихий. Я как-то незаметно задремал и мне снились почему-то бесконечные лошади, лошади...

Проснулся я в четвёртом часу утра, в природе ничего не изменилось: лес стоял на месте, река текла в прежнюю сторону, лошадки также паслись на лугу, с которого иногда доносилось бряканье их ботал. Я вдруг решил порыбачить на самом пруду, быстро собрал свои рыбацкие снасти и двинулся в его сторону, по бережку. Путь мой после развалин мельницы проходил по едва заметной тропке, вдоль бережка. Иду мимо воды любуюсь синим небом и ярким восходом почти пурпурного цвета и скоро выхожу на луг, который довольно обширен, над прудом стоит утренний туман, красиво очень, кажется, в такие утренники и выходят из омутов русалки, поют свои сладкие, протяжные песни. Завлекают, заманивают окаянные, неокрепшие души в свои объятья.

Но, я отвлёкся и скоро столкнулся с неожиданным препятствием, поперёк тропинки, метрах в десяти от воды валялась туша околевшей старой лошади, нелепо вытянувшей ноги в сторону воды, я тихо свистнул и разглядел на её животе штук десять налимов, которые впились в податливый, ещё наверно тёплый живот коняги. Меня чуть не вырвало от вида этих падальщиков, которые висели на лошадином животе, как гигантские пиявки. Да ещё и шевелились, извивались наверно от удовольствия, я быстро почесал дальше, чувствуя, что мне скоро будет дурно

ВЕТЕР-ВЕТЕРОК

4.06.18

Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь, стаи туч, – вспомнилось Михалычу, когда он глянул в окно. За окном на деревенской улице задувало уже не слабо и откуда что берётся у этой погоды, – подумал он. Вроде уже начало июня, а погоды всё нет и нет. А посевная идёт, ни шатко, ни валко, хорошо хоть сегодня, то есть вчера вечером бригадир раздобрился, отпустил его на день домой, кое-что поделал по своему хозяйству. Работы в своём хозяйстве всегда немеряно: там поправить строения, здесь устроить водопой скотине, а то она неразумная всё ломает и топчет, хотя власть придержащие опять грозят колхозникам освободить их от кулацких пережитков. То есть ликвидировать личные хозяйства совсем, видно наш дорогой Никита Сергеевич решил всё-таки добить остатки крестьянства, что уцелели после сталинской деспотии. А то народ вроде начал подниматься при Маленкове и Булганине, ведь они отменили огромные налоги с крестьянства, дали измученным труженикам хоть какую-то свободу, ввели паспорта сельхоз труженикам, а их детям разрешили поступать во все учебные заведения страны.

Но сейчас власть попала к недалёкому хохлу, притом до того безграмотному, что ума совсем нет своего. Слушает партийных советчиков, кои в сельском хозяйстве совсем не рубят, хотят всё окончательно коллективизировать, зачем вам неразумным свои коровы говорил Никита – молоко можно брать с фермы, а овощи с полей. Толка он плохо понимал, что фермы не в каждой деревне, а овощи сеют не везде и что ездить по бездорожью за каждой картошкой или луковицей, ахинея, получается, говорили крестьяне. «Экую страсть вытерпел сельский народ» думал, Михалыч занимаясь домашними делами, а ведь Вятка меньше всех по стране пострадала от репрессий против кулаков, мало было крепких хозяев. Ну, были в каждой деревне один, от силы два побогаче. Сейчас начали возвращаться из Сибири высланные в тридцатые годы, один такой сосед по фамилии Копытов вон ползает каждый день перед окнами, показывает всем фигурки, притом двумя руками, что с него возмёмшь, справка у него по голове. Ему даже власти вернули его же недостроенный двухэтажный дом, первый этаж кирпичный, была такая мода до революции.

Погода же на улице продолжала портиться, задул довольно сильный ветер и какой-то интересный без порывов совсем, в отличие от нормального. Этот ветер враз пригнал тёмные низкие тучи, до того зловещего вида, что Михалыч даже перекрестился когда пришёл с улицы, куда ходил до колодца раз несколько.

Стало совсем темно, хоть зажигай керосинку, он снова вышел на крыльцо, эта зловещая чернота уже захватила всё небо и только на горизонте мельтешила узкая полоска яркого солнца. Ну, чистый поздний вечер подумал, – Михалыч и услышал первый грозный удар грома.

Затем ветер ещё усилился и больше не слабел, он только набирал свою дурную силу: первый удар приняла на себя небольшая копёшка стоящая за огородом. Казалось, просто дунул сказочный великан и сено, за пару секунд поднялось в воздух и растворилось в нём. Михалыч с трудом добрался до собачьей будки за баней и отцепил своего Полкана, но пёс никуда не побежал, а как-то исхитрился, нырнул в отдушину под избу, хотя никогда пролезть туда не мог. Ветер же продолжал усиливаться и бушевать, полетели кверху соломенные крыши бань и хлебов, хозяин с трудом вернулся в избу, – сумасшедшая буря, решил он и осторожно выглянул на улицу, где творилось настоящее светопреставление, она была завалена мусором и сорванными наличниками, по ней бегала чья-то обезумевшая бурёнка, но она скоро исчезла куда-то. Огромная черёмуха у соседей была сломана возле основания и торчала как гнилой зуб, –

хорошо мои далеко работают и в деревне совсем мало народу, решил Михалыч и посмотрел в угол, где висели и стояли ещё иконы его матери, не раз прятанные ей от ретивых комсомольцев активистов.

Иконы смотрели на него с какой-то мрачной решимостью, он попытался зажечь свечку, но у него это не получилось, искоса глянул в крайнее окно и увидел как здоровое бревёшко пролетело по воздуху и ударило в кирпичную кладку дома соседей как таран финикийцев... От удара вылетело несколько окон, а его новая изба зашаталась как кордонная коробка, затем подпрыгнула вместе с полом и грохнулась на место. Михалыч молча посмотрел на крышку погреба, и порадовался, что выкопал его глубоко, ведь в основном народ обходился дворовыми голубцами, с крышей из соломы, там все и намораживали лёд зимой.

Он почему-то бросился в сени, где у него стояли ломики и лопаты схватил их, решил глянуть в хлев, с трудом открыл перекошенную дверь и увидел, что крыши там нет, царит полный хаос, а из соломы торчат чьи-то голые ноги, он потянул за них и вытащил в сени молодую соседку. Она была в шоке, но не отпускала годовалого своего сына, он ударил её по щекам, она слабо застонала, а ребёнок заорал, будь здоров как. С трудом опустил их в погреб, на улице было темно как ночью, а изба шаталась и подпрыгивала, словно пьяная, были выбиты все окна. Михалыч полез в погреб и закрыл тяжёлую крышку, но и здесь стоял сплошной жуткий гул, слышались хлопки и удары, в общем, преисподняя наступала, видно сбываются предсказания старух про конец света, – решил он. Затем прислонился к вздрагивающей стенке погреба и закрыл глаза, всё равно темнота.

Сколько продолжалось это забытие он не помнил, очнулся от крика младенца, который вопил громко в отличии от матери, она вообще ни подавала не звука. Михалыч прислушался и к своей радости ничего не услышал, стал нащупывать крышку погреба, она не подавалась, тогда он стал приглядываться в темноте и увидел слабую струйку света слева от себя, минут пять искал ломик и лопату, которые успел прихватить, повинувшись инстинкту самосохранения. Кое-как нашёл ломик и стал ковырять в отдушине, и скоро получил порцию дневного света, – значит, белый свет не накрылся, – решил он.

Вскоре через часик он и откопался, то есть пробил лаз на свободу, побряхтел и ободрал бока полез наружу. Увиденное не обрадовало его, на месте деревни из сорока домов простирался пустырь забитый мелкой щепой и ветками, вместо леса метрах в пятистах сияло солнце. Освещая сплошной бурелом из ели и сосны, лежащий в одну сторону. Ну и как теперь жить подумал он, но от мрачных мыслей его оторвал крик детский, он вернулся к своему лазу и увидел, что женщина, которую он спас, выкинула младенца на улицу, из лаза отверстия торчали её руки, почему-то очень белые. Он подошел, шатаясь, попытался ей помочь, но только взялся за руки, как сразу отпрянул, они были холодны как лёд. Он подобрал ребёнка с земли, это был мальчик, поднял его на руки и сказал, – смотри мужик, что сделалась с деревней!

По следам довольно реальных событий конца пятидесятых годов, когда ураган в Кировской области стёр с лица земли несколько деревень и хорошие леса.

ЖАБЫ

05.11.16

Урожай на жаб, как и на яблоки, бывает не каждый год, зато когда урожай на них, я всегда наблюдаю и слежу за ними. Иногда прячу их в подсобке от птиц и соседских кошек. Одна большая жаба перламутровой раскраски гостила у меня в доме целую неделю. Так и сидела на пустом ведре, выпучив красивые глаза цвета тёмного агата. Я налил ей воды в миску, иногда видел, как она пьёт совсем беззвучно, и что интересно, ей так понравилось у нас под верстаком, что сходяв по своим жабым делам, она быстро возвращалась назад.

Скоро я к ней привык, и моя старая кошка Микки, даже не думала её трогать. Она, с тех пор как у неё вырезали умерших в животе котят, вообще никого не трогала, и даже пила воду из одной миски с нашей мышкой по прозвищу Дуся. Эта Дуська жила у нас долго, я нашёл её почти окоченевшей от отравленного зерна и положил её рядом с водой. Дуська отпилась и прижилась видно в подвале, чтоб её не спутать с другими я завязал ей на шее желтый бантик из ярких ниток.

Жабы удивительные создания, как они умудряются выживать в этом мире, загадка. В урожайный на жаб год можно наблюдать их везде. Бывает, целая толпа жаб начинает, переходить просёлочную дорогу, притом упорно, целенаправленно, не считаясь с жертвами. Раскраска их прямо фантастическая. Трудно в природе где-либо найти такую гамму цветов и оттенков от ярко изумрудного до тёмно гранатового. Богата мать природа, а создатель ещё круче...

Я не зоолог, мне трудно понять, чем они питаются, но ведь что-то едят? Иногда в зарослях лопухов и прочего, под забором нахожу маму жабу, а с ней целый выводок или настоящую россыпь жабят с ноготь большого пальца. Но жабы плохие видно матери, через день-два смотришь, эта малышня уже пасётся самостоятельно. Удивительные существа, кто их только не хватает: собаки, кошки, все почти виды птиц, но они упорно держаться за жизнь и возрождаются снова и снова. Надеюсь, в 17 году их будет опять много, так как было не видно года три. Где вы жабы! Вылезайте, я хочу вас видеть весной, когда зазеленеет!

ДЯДЯ ВАСЯ-СЛЕСАРЬ ГИНЕКОЛОГ

Честно говоря, я не знал почему все зовут его так, довольно дурацкая кличка, думалось мне. Мужчина он был вполне обыкновенный, невысокий шуплый, волосы редкие, нос слегка сдвинут, видно в результате старой баталии. Но вот руки были необыкновенные, особо кисти с длинными пальцами хирурга, или музыканта. Если его не вызывали на объект, то тихо сидел у себя в каморке, в полуподвальном этаже, радовался, наверно, что нет работы – всё равно оклад. Но если какую-нибудь фотографию затапливало, то за ним быстро приезжали, хотя тоже не всегда, ведь в советское время сантехников было до чёрта и многие заведующие, особо на периферии, обходились местными умельцами и центральную контору не беспокоили, будучи твёрдо убеждёнными, что в конторе работают одни шпионы.

И вот один раз, накушавшись портвейна в ближайшем кафе, мы с ребятами заспорили, откуда может быть такая странная, необычная кличка, или помягче прозвище. Посидели, подумали и решили: накачать дядю Васю портвейном «Три семёрки» как следует в ближайшее время если только подловим его у стойки бара. Делать нам было особо нечего и не выгоняли нас с Фабрики фоторабот потому, что мы уходили этой весной в Советскую Армию.

Сказано-сделано. Мы стали следить за нашим слесарем-гинекологом дядей Васей. Вычислять когда он заходит в кафе чтобы трахнуть портвейна. Скоро фортуна повернулась к нам. Мы стоим и опять дегустируем «777», разглядываем во все глаза девиц в коротких модных платьях, яростно спорим, у какой ноги лучше и красивей. От тротуара нас отделяет стеклянная стена, всё видно прямо отлично: каблуки, ноги, и причёски рыжего цвета, очень модного в те годы.

И тут наш слесарь выходит как в кино прямо из-за стойки, на ходу что-то дожёвывая. Мы его и затянули, притом поглубже в самый угол к окну, пускай тоже на девиц посмотрит. Наш закопёрщик Валерка быстро принёс три бомбы, мы дружно расплескали одну в четыре стакана. После первого нашего стакана дядя Вася попыток смыться уже не делал, так как уже был угощен за работу продавцами кафе. Скоро мы все закосели, но свою цель не забыли, а стали допытываться, откуда такая странная кличка у него. Дядя Вася хитро посмотрел на нас и промолвил: «Чёрт с вами, ставьте сюда пузырь, я расскажу, где я заработал это прозвище».

Он выпил стакан портвейна и заявил следующее: «По-молодости и дурости я попал в шайку занимающуюся подпольными абортами, так как был фельдшером на фронте, работал в операционных, приходилось и аборт делать. Известно всем, что они после войны были строго запрещены. Наше незаконное предприятие процветало года полтора-два, затем одна женщина умерла от потери крови, что-то врач не доглядел, мы не смогли её спасти. Дело вылезло наружу, нас повязали, после судили, отвалили по червонцу, но вскоре вождь скончался и я попал под амнистию, просидев всего пять лет. Кстати в лагере, я как медработник опять работал в больнице, приходилось и аборт делать, наверно это судьба».

Дядя Вася выпил ещё стакан предложенный нами, крякнул, а после заявил: «Скажите молодёжь моему мастеру в конторе, что я халтуру в кафе „Рубин“ и буду на работе только завтра»

ГУДБАЙ АМЕРИКА (АМЕРИКАНСКИЙ БУМЕРАНГ)

05.05.2016Г

Дома и в кругу друзей Джозефа Мейсона называли дипломатом, к этому были две причины, во-первых он окончил Гарвардский университет, из которого вышло половина современных дипломатов США, во-вторых характер имел вдумчивый и неконфликтный. Мейсон представлял из себя высокого парня, сложенного довольно атлетически, лицо открытое, без надменности, волосы светлые, голос приятный негромкий.

Сейчас, время спустя, он трудился в «Федеральном агентстве по борьбе с бедностью в развивающихся странах» которое располагалось в Нью-Йорке на 67 авеню. Организация была весьма серьёзной и влиятельной под крылом федерального правительства. Но сейчас вернёмся непосредственно к личности Джозефа Мейсона. Джозеф или по домашнему Джо родился во вполне благополучной американской семье, его предки прибыли в Америку еще в 18 веке, поэтому если выражаться по-старому он был стопроцентный американец. И если американцы политикой интересуются слабо, то Джозеф был вовлечён в неё с детства, его отец И. Мейсон был профсоюзным деятелем, всегда горой, стоящим за простой американский народ. В их доме постоянно собиралось много людей, их сутью была политика.

Джозеф и его будущая жена Рита познакомились ещё в средней частной школе, куда их определили любимые родители. После её окончания они не встречались, хотя сильно нравились друг другу, и казалось всё кончено. Однако судьба свела их снова на одной престижной вечеринке, куда они попали независимо друг от друга. Джозеф тогда только что вернулся из Европы, где он защищал недалёких, морально разложившихся европейцев от внешних врагов, в составе армии США. Нет, вы только не подумайте, что Мейсон месил грязь на полигоне сидя за рычагами танка «Абрамс-2», обливаясь потом. Джозеф пошёл в армию добровольно, это служило сразу нескольким целям: во-первых он набирался жизненного опыта, во-вторых это было нужно для его будущей службы, в третьих поднимало его общественный авторитет. Служил он в подразделении «Оракул» под крылом небезызвестного АНБ. Данное подразделение собирало информацию до Урала включительно, трудилось 24 часа в сутки не покладая рук, не думая об выходных, впрочем, сотрудников там хватало.

Но вернёмся к нашим героям. Джозеф и Рита встретились на этой вечеринке, как я уже говорил, тут всё и завертелось в устрашающем темпе: ахи, вздохи, цветы, подарки. И скоро образовалась еще одна крепкая американская семья, а затем и дети Брэдли и Лилиан.

Родители Риты люди небедные, имеют магазины в Нью-Йорке, так что помочь, кому было. Взяли они и ссуду, под смехотворный процент. Новая семья обосновалась в городке Розентвилль, совсем недалеко от океанского побережья. Это было удобно для Джо, его офис был в Нью-Йорке, туда и ездил он пять раз в неделю. Работа была интересная, платили хорошо. Видели бы вы домик Мейсонов, трёх этажный особняк в стиле Тюдоров, кругом ухоженные дома и участки соседей, не каких заборов как в некоторых странах. Вскоре Джозефа выбрали Главой местного легкоатлетического клуба, так как он с юности бегал марафоны.

Жить было удобно в этом сонном городишке, на выходные Джозеф и Рита часто выезжали на побережье, брали у знакомых ключи от пляжного домика и наслаждались жизнью, подросшие детки смешно топтали по песку, строя какие-то фантастические сооружения. Жизнь казалась прекрасной и красивой, какое счастье жить в такой стране как Америка!

Однако на работе, Джозефа стали посещать нехорошие мысли, эти мысли по дороге на службу довели его, как черви сомнения. Сейчас он получил новое задание от своего шефа, о детальной разработке смены власти, в одной бывшей советской республике, деньги выделялись для этого огромные, не смотря на относительную неудачу с южным вариантом. Сейчас в руководстве было принято решение нанести удар в болевую точку бывшей враждебной империи. Эту республику создал из русской земли один крайне неумный советский коммунистический деятель, крупно подыгравший западу и создавший по существу отдельное государство, на границе империи, о чём всегда мечтал свободный мир. Сейчас насмотревшись западного образа жизни жители этой республики решили тоже стать -Европой, как писал поэт – назло надменному соседу. Европа то Европа, но ведь и Польша многими на западе считается не совсем Европой. Так думал Мейсон, сочиняя, сценарий очередной цветной революции, накануне он прочёл все отчёты разведчиков-дипломатов и быстро понял эта республика просто подарок для США. Более благодатной почвы нет нигде во всём мире, хоть застрелись. Мейсон сразу выделил одну группу населения, которая будет динамитом оппозиции.

Целую неделю, Джозеф не выходил, со службы расписывая, детально план смены власти в подопечной республике. Как всегда и везде всё начиналось с протестов населения. Борьба с ненавистным тормозящим режимом, дальше подключались специально обученные люди и вели остальных как баранов на убой. Дело становилось настолько секретным, что он не доверяя его даже компьютеру, весь материал возил с собой. Всё это действие настолько захватило Джозефа, что он даже похудел, хотя аппетит оставался волчьим. Его жена Рита даже спросила: ты не завёл дорогой себе кого в Нью-Йорке?

Нет, об этом он просто не думал, его пылком сознании стояли другие образы, заслоняя плотские желания, чудилось ему, что он влез по жизни не в своё дело, нашёл не ту дорогу. Прав был известный классик, главное не дорога, а то чувство внутри человека, которое заставляет его идти по этой дорожке.

Прошли месяцы, работа, которую поручили Мейсону, была выполнена, механизм переворота был запущен, события развивались ещё лучше, чем предполагал Джозеф. Отчаянная оппозиция, разогретая американскими деньгами, превзошла сама себя, такой стремительности Мейсон даже не ожидал, протестующие захватили центр города, устроили там палаточный лагерь, назвали всё это «Майданом». И заскрипел, зашатался старый режим, нерешительный президент упустил свой шанс нанести силовой удар по оппозиции, и вот её родную уже кормит печеньем сам гос. Секретарь США. Мейсона вызвал главный шеф и заверил, что крупная премия и повышение у него в кармане. Словно железная буря пронеслась над подопечной страной, все старые устои были сметены в одночасье, но это не была революция роз, скорее это был фашистки погром. И никого не смутило количество жертв, принесённое новому режиму, ну а простой народ спросите вы? Про такие мелочи никто извините, не думал.

По случаю успешно выполненной работы Джозефа Мейсона наградили двух недельным отпуском и конечно деньгами. Этот неожиданный отпуск Джозеф решил использовать для поездки на очередной ежегодный марафон в город Бостон, который должен состояться на днях. И вот он уже летит в славный город Бостон с друзьями по клубу легкоатлетов Томом и Джерри, в иллюминаторе исчезают последние огни супер города Нью-Йорк.

Через два дня в особняке Мейсонов зазвонил телефон, стоявший в зале для гостей. Удивлённая Рита взяла трубку (этот телефон стоял для красоты, им почти не пользовались) В трубке раздался строгий мужской голос: с вами говорит зам. Начальника полиции города Бостон – Сообщаю вам, что ваш муж Джозеф Мейсон погиб вовремя теракта на ежегодном марафоне. Вам необходимо приехать на опознание. Трубка выпала из рук потерявшей сознание Риты.

ФОТОГРАФ «ФОТОГРАФ» (ХРОНИКИ 80-ГО ГОДА.)

«СНАЧАЛА ПОЯВИЛСЯ СВЕТ – ПОТОМ ТЕНИ»

Последний период советского социализма уже наступил, но внешне всё оставалось по старому, и восьмидесятые годы на первый взгляд мало отличались от семидесятых, хотя каждому кто не совсем баран, уже давно всё было ясно. Сталинский дух покинул умы людей, вместе с ним и страх покинул их души, вроде как навсегда. Созданная великим кормчим партия прогнила насквозь, всё больше превращалась в мелкое вонючее болото: карьеристов, политических демагогов и откровенных рвачей. Политбюро оккупировала группа старцев, которые сидя на геморройных задницах делали вид, что управляют страной. Вместо решения всенародных проблем партия занималась распределением выгодных постов, всё решали степень родства и знакомства. Так как богатство и частная собственность были запрещены, достичь благополучия можно было только благодаря какому-то посту или должности. Страна плыла явно тупиковым курсом к своему нелепому концу. Все занимающие высокие посты настолько оторвались от народа, что совершенно не понимали его. Драгоценное время для реформ было упущено навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.